

Два праздника накануне жаркого лета

Что роднит «Московские музыкальные сезоны»? Что сделало их душой и совестью нового филармонического движения, наследующего традиции Русского Императорского музыкального общества? Думаю, главное: апостольская вера в музыкальный гений русского народа; ощущение нравственной силы и немеркнувшей красоты классического музыкального искусства; чувство личной ответственности за «оборону» против наплыва пошлости, жестокости, агрессивного дилетанства, столь деформирующих вкусы современных людей.

Но если иметь в виду родство творческих личностей композитора Георгия Свиридова и певицы Ирины Архиповой, то нужно говорить прежде всего о тончайшем ощущении природы русской музыкальной речи, о неизбежности чувства вдохновения. Не случайно Ирина Константиновна пишет в конце своей книги «Музы мои»: «Творчество! Как гласит мудрость: «В постоянном творении красоты восходит человек от земного бытия к престолу Всевышнего!».

Кому же, как не Георгию Васильевичу Свиридову, близко это чувство? Если и был среди «советских» композиторов честный христианин, не скрывавший в творчестве (несмотря на репрессивно свирепствовавший государственный атеизм) свою близость к вере, то это и был

Свиридов

Свой главный творческий подвиг он совершил еще в 50—60-е годы, когда впервые обратился к первоисточкам старинных русских религиозных песнопений, наполнивших музыку возвышенной торжественностью — подобной той, что знакома нынче всему свету по музыке гениального «Романса» из сюиты «Метель». Власть оказались бессильны против того могучего художественного зала, который произвела в 1956 году «Поэма памяти Сергея Есенина» Свиридова, где словно воскресла из небытия Русь «колокольная», Русь православная. Хор-славение «Небо как колокол» воспроизводил интонации и лад старинного знаменного распева.

В еще большем параличе

тупого непонимания оказалась власть перед явлением самого «просветского» сочинения Свиридова — его «Патетической оратории» (на стихи Маяковского), где хоровая молитва «Ныне отпускаеши раба Твоего» в трагической картине бегства барона Врангеля впервые в советской музыке рисовала «белое движение» в сочувственных, проникновенных тонах.

А «Маленький триптих»? Кто же в 60-е годы не любил этой чистой и звонкой хорально-колокольной музыки Свиридова, прозвучавшей сначала в фильме «Русский лес», затем на симфонической эстраде и, наконец, в Малом театре, в спектакле «Царь Федор Иоаннович»? Очень характерно, что сей ярко выраженный иконописный образ — что-то от рублевской «Троицы» в музыке — был создан композитором задолго до работы над исторической драмой А. К. Толстого.

Всюду у Свиридова — в его мелодиях и ладах, в характере распева и подборе стихов — близость к Храму, к древним традициям православия. Сколько «озвучил»,



он религиозных мотивов у Блока («Мы встретились с тобою в храме», «Вербочки», «На пасхе»), у Есенина (в вокальных циклах «Отчалившая Русь» и «Светлый гость» на тексты библейских поэм Есенина), у Тютчева. Разумеется, ближе всего Свиридовскому религиозному «звукосозерцанию» жанры музыки для хора а капелла, в сфере которой он создал такие шедевры, как «Пушкинский венок», блоковские «Песни безвременья», «Концерт памяти А. А. Юрлова», божественной красоты хоровую исповедь на стихи Есенина «Душа грустит о небесах»...

Теперь, кажется, ясно всем: муза Свиридова никогда не «отдыхала» на обочине исторического музыкального движения. Прозвучавший в майском авторском концерте Свиридова новый капитальный хоровой цикл «Песно-

пения и молитвы», созданный в 1992—1994 годах, — лучшее тому доказательство. Музыка, слитая с каноническими словами из православного обихода, величавая и светлая, в каждой ноте, в каждой гармонии исповедуется русская душа. Когда-то в своих знаменитых «Курских песнях» он использовал фольклорную форму и обрядовость для создания оригинального произведения, ни на йоту не погрешив против народного стиля.

Свиридов — теперь уже демонстративно — «подхватывает» гибнущую (обрубленную на Рахманинове и Кастаньском) ветвь религиозной русской классической музыки и возвращает ее на концертную эстраду. В этом историческое значение этой премьеры! Никого не могут оставить равнодушным эти медленные, тихие, торжественные, утонченно «инстру-

ментованные» в партиях смешанного хора и солистов песнопения и молитвы — будь то экспрессивный хор «Святый Боже», или мечтательный, проникновенный, сплетенный неувлимыми мелодическими нитями «Слава и Аллилуйя», или стихира для мужского хора «Господи, воззвах к Тебе», или, наконец, живой финальный хор-баллада с захватывающим «сюжетом» — «Странное Рождество видевше», интригующе завершающийся словами: «На земле явился смиренный человек»... Это звучит как «продолжение следует».

А одна из лучших исполнительниц его произведений —

Архипова

Ее концерт в майском цикле «Московских музыкальных сезонов», посвященный 150-летию со дня рождения Н. А. Римского - Корсакова, стал настоящей художественной сенсацией, вершиной всего полугодового филармонического цикла «Времен связующая нить». Никому из нынешних (маститых и молодых) певцов не под силу было бы исполнить 18 романсов Римского в ключе подобных «первозданных», безупречных по вкусу и мастерству интонаций. Не случайно еще 20 и 30 лет назад весь музыкальный мир устами разноязыкой прессы восклицал: «Какое legato! Какая непринужденность во всем диапазоне звучания! Какой прекрасный теплый тембр и сила голоса! Ирина Архипова — голос вечной России!». Поражались ее умению устанавливать естественный контакт с любой аудиторией, у которой никогда, ни на одно мгновение не

возникало ощущения напряженности в исполнении.

Что тут сказать? От Бога этот артистизм, эта взыскательная воля к совершенству, безукоризненному профессионализму, этот тонкий интеллект. «Это артистка не только большого чувства, но и развитаго, тонкого интеллекта», — пишет Свиридов.

Все это в высшей степени присутствовало в исполнении корсаковской программы. Удивительная свежесть интонирования, тончайший выразительный рисунок фразы, полное отсутствие «напряженности», аффектации пения и — вместе с тем — романтическая наполненность образов, богатство и разнообразие художественных подробностей в воспроизведении музыкального стиля композитора. И, что особенно дорого современному слушателю — умение певицы создать некую поэтическую стихию «недосказанности», побуждающую фантазию каждого к сотворчеству.

Навсегда запомнятся в архиповской интерпретации романсы «Тихо вечер догорает» (слова А. Фета), пушкинские «Ты и Вы», «Не ветер вея с высоты». Какое-то особое спокойствие и величавость отличало романс «Горними тихо летела душа небесами» (слова А. Толстого) — вот уж истинно русская музыкальная душа! Волшебная гипнотическая музыкальная речь «Свитезянки» (слова А. Мицкевича).

Концерт Ирины Архиповой — встреча с редким феноменом русской вокальной школы, силу и самобытность которой она подтверждает всем своим творчеством, всей своей личностью.

Тамара ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО.